

Семейные предпосылки вовлеченности ребенка в школьную травлю: влияние психологических и социальных характеристик семьи

Новикова М.А.*,

Лаборатория профилактики асоциального поведения Институт образования НИУ ВШЭ, Москва, Россия, mnovikova@hse.ru

Реан А.А.**,

НИУ ВШЭ, Лаборатория профилактики асоциального поведения Институт образования НИУ ВШЭ, Москва, Россия, arean@hse.ru

Дается определение понятиям агрессии и буллинга, проводится различие между ними по параметрам повторяемости и дисбаланса власти. Оценивается распространенность данных явлений на сегодняшний день в России и за рубежом. На материале российских и зарубежных исследований раскрываются семейные предпосылки того, окажется ли ребенок в ситуации травли и какую роль он при этом займет; описывается влияние структурных, функциональных и коммуникативных характеристик семейной системы (степень близости/дистантности между членами семьи, предпочитаемый коммуникативный стиль, наличие супружеского конфликта, отношения с сиблингами и т. д.), а также особенности детско-родительского взаимодействия. Также производится анализ социальных факторов вовлеченности школьников в травлю: влияние уровня благосостояния семьи, наличия у родителей высшего образования и т. д. Производится оценка степени влияния психологических и социальных характеристик семьи на риск виктимизации в ситуации школьной травли для детей разных возрастных групп (от младших школьников до старшекласников).

Ключевые слова: буллинг, школьная травля, параметры семейной системы, социальные факторы буллинга.

Для цитаты:

Новикова М.А., Реан А.А. Семейные предпосылки вовлеченности ребенка в школьную травлю: влияние психологических и социальных характеристик семьи // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 4. С. 112—120. doi: 10.17759/pse.2018230411

* Новикова Мария Александровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Институт образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия. E-mail: mnovikova@hse.ru

** Реан Артур Александрович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, Институт образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия. E-mail: arean@hse.ru

Жестокость — значимая проблема мирового сообщества, официально признанная несколькими международными организациями [31]. Согласно Конвенции о правах ребенка ООН, школьный буллинг — наиболее распространенное проявление агрессии и жестокости у детей и подростков, подрывающее их право на образование.

Обобщенное понимание агрессии в психологии включает в себя любые намеренные действия, которые направлены на причинение ущерба другому человеку, группе людей или животному [11], а при еще более широком понимании — причинение вреда и неживым объектам в том числе [27]. Буллинг как частное проявление агрессии характеризуется намеренным причинением вреда (физического, вербального, в сфере социальных отношений). При этом его отличают такие характеристики, как неравенство сил между жертвой и обидчиком, повторяемость, переживание жертвой чувства беспомощности, активная поддержка, подразумеваемое одобрение или безразличие со стороны других участников ситуации [7]. Отметим, что буллинг не является феноменом, присущим только ситуации школьного обучения

Первое анонимное исследование буллинга, в котором присутствовали статистические данные относительно распространенности данного явления среди детей, было проведено почти 30 лет назад [32]. Тогда же было дано «классическое» определение буллинга как намеренного, повторяющегося агрессивного акта, осуществляемого одним человеком или группой против того, кому непросто защитить себя.

Согласно метаанализу, включившему в себя 80 исследований, средний уровень распространенности буллинга равен примерно 35% от всех школьников [39]. Метаанализ показывает, что в странах, где программы противодействия буллингу распространены в наибольшей степени (США, Великобритания, скандинавские страны), наблюдается снижение показателей буллинга примерно на 20%.

Согласно данным PISA за 2015 г., в среднем по 53 странам ОЭСР буллингу подвержено 18,7% школьников, часто (как минимум несколько раз в месяц) становятся жертвами 8,9% детей [33]. В России же в среднем раз-

ным видам травли подвергается 27,5% учеников, из них 9,5% — часто. По результатам опроса, проведенного Центром социального прогнозирования и маркетинга, более 25% детей в возрасте 5—14 лет в России подвергаются насилию в той или иной форме, в 19,8% случаев оно совершается в системе образования, и более чем в 25% случаев имеет место травля учеников со стороны учителя [15]. В исследовании распространенности насилия над детьми было показано, что почти 80% опрошенных сталкивались с той или иной формой насилия в течение своей жизни, более половины из них — в школе [6].

По данным ресурса Google Scholar, количество публикаций на русском языке, посвященных буллингу, за последние 4 года выросло более чем в два раза. Работы отечественных авторов преимущественно посвящены оценке распространенности разных типов буллинга [1; 5], личностным и социальным особенностям агрессоров и жертв [8; 10; 9; 13], последствиям вовлеченности в травлю [14; 11; 4], а также представлениям о буллинге сотрудников образовательных учреждений и их возможностям/готовности противостоять ему [2].

Целью настоящей работы является рассмотрение буллинга с точки зрения влияния семейных факторов (микросистемы по У. Бронфенбреннеру [18]): стилей родительского воспитания, структурных и функциональных характеристик семейной системы, социальных характеристик, которые могут влиять на формирование у детей агрессивного поведения или, напротив, способствовать виктимизации.

Буллинг и стили родительского воспитания, структурные и социальные параметры семьи

Главным вопросом, которым задается большинство исследователей, является проблема семейных факторов риска вовлеченности в школьную травлю, а также ресурса противодействия ей со стороны семьи. Большинство авторов сходятся в том, что родительская включенность и поддержка, теплота и эмоционально-насыщенные отношения с ребенком, равно как и хорошо построенная

внутрисемейная коммуникация, являются значимыми факторами защиты детей и подростков от виктимизации (по данным метаанализа, включившего в себя 70 работ, испытуемыми в которых выступили дети от 7 лет до старшего подросткового возраста) [29]. Материнское тепло и благоприятный климат в семье снижают интенсивность психологических последствий (в частности, депрессивной симптоматики) у детей, уже подвергшихся травле [21].

Относительно же семейных предпосылок как агрессивного поведения в школе, так и виктимизации, в литературе существуют разные точки зрения. Так, в одной из первых работ, посвященных влиянию семьи на вовлеченность в буллинг, показано, что чаще агрессорами в ситуации травли оказываются дети из семей с дисбалансом власти, в которых старшие (родители или старшие сиблинги) злоупотребляют своим положением и систематически запугивают младших [28]. Среди тех, кто стал булли, оказывается в три раза больше тех, кто был свидетелем или жертвой физической агрессии в семье [36].

В исследовании К. Ригби [35] было показано, что булли обоих полов зачастую имеют сложности в отношениях с отцом (мальчики — и с матерью тоже). В то же время, в недавнем испанском исследовании (возраст испытуемых — от 9 до 18 лет) отражен тот факт, что школьные булли, по сравнению с жертвами, растут в семьях, более благополучных в эмоциональном плане [20]. При том, что стиль воспитания их родителей часто является пренебрежительным по отношению к потребностям ребенка, в целом, родительское поведение более последовательное и предсказуемое, и семейный климат расценивается детьми как более позитивный (по сравнению с оценками, которые дали своим семьям жертвы).

Дети, вовлеченные в травлю в качестве жертвы, обычно живут в семьях с более дистантными отношениями между родными [16]. Невовлеченность отца часто сопровождается сверхконтролем со стороны матери, подобная несогласованность в стилях воспитания рассматривается в качестве фактора риска виктимизации [20]. С.В. Воликова и Е.А. Калинин в свою очередь показали, что подростки (средний воз-

раст испытуемых в их исследовании — 12,5 лет), оказывающиеся в роли жертвы, чаще подвержены критике и контролю со стороны обоих родителей, носящих при этом формальный характер. Сами же дети по отношению к буллингу занимают пассивную позицию и уверены в том, что любые их действия могут, скорее, ухудшить ситуацию [3]. Другой взгляд на семейные факторы виктимизации связан с акцентированием дефицита сепарации в сочетании с тесной вовлеченностью ребенка в отношения со всеми членами семьи (часто речь идет, согласно модели Олсона, о семьях со спутанной структурой) [16]. Сиблингов жертвы буллинга склонны видеть как могущественных и проявляющих по отношению к ним амбивалентность; отношения с ними бывают очень тесными и не допускают проявления негативных эмоций, такие переживания подлежат вытеснению.

Помимо семейной климата, особенностей иерархии и стилей воспитания, учеными рассматриваются характеристики детско-родительских отношений в семьях детей, вовлеченных в травлю. Р. Финнеган с коллегами на выборке американских школьников 9—12 лет показали наличие значимых различий между девочками и мальчиками в том, как они ведут себя с матерями дома, когда происходит конфликт, или же когда мать пытается контролировать их поведение [25]. Для мальчиков гиперопекающее поведение матери является предиктором занятия роли жертвы; для девочек значимый фактор виктимизации — материнская враждебность, особенно если девочка физически слаба. Общий вывод заключается в том, что деструктивным в принципе является поведение матерей, которое тормозит овладение детьми характерными для их гендера социальными ролями. О наличии конфликта с матерями у девочек — жертв травли говорится и в работе К. Ригби [35].

Весьма важной, хотя и неоднозначной в данном контексте представляется роль отца. В уже упомянутом выше лонгитюдном исследовании, проведенном на 200 американских детях (интервью брались у их матерей, когда детям было 5 и 10 лет соответственно), производилось сравнение между тем, как ведут себя дети отцов, которые сами в школе травили одноклассников, и дети, отцы которых в

буллинге не участвовали. Было показано, что в первом случае сыновья становились агрессорами в 16% случаев, в то время как во втором — только в 5,5%. В целом, эти данные хорошо вписываются в объяснительном плане, в теорию социального научения агрессии [36].

Этой же теоретической рамкой воспользовались авторы недавнего голландского исследования, участниками которого стали младшие школьники (средний возраст — 7,5 лет) [23]. Наиболее значимыми предикторами того, что ребенок станет агрессором в школе, оказались: 1) ретроспективная оценка отцом периода беременности жены как высокострессового для него; 2) враждебность отца по отношению к ребенку в его раннем детстве; 3) жесткие дисциплинарные практики со стороны отца в дошкольный период. Согласно гипотезе авторов, социальное научение агрессивному поведению как способу добиться желаемого, заявить о себе и т. д. у детей происходит именно при взаимодействии с отцами, потому что матери в большей степени склонны к интернализации негативного аффекта.

Одним из параметров оценки взаимодействия внутри семьи могут выступать «коммуникационные стандарты семьи» [19], отражающие представления человека о том, какой должна быть коммуникация внутри семьи, и в качестве когнитивной схемы направляющие интерпретации в отношении поведения близких. Поскольку жертва часто рассматривается окружающими (в том числе и близкими людьми) как виновник насилия, осуществляемого в ее адрес, например, в силу своей непопулярности среди одноклассников или нехватки навыков общения, она часто предпочитает не делиться своими переживаниями [30]. На основании построенной структурной модели было показано, что наибольший разрыв в коммуникации по теме буллинга наблюдается в семьях с так называемым «Разделенным коммуникационным профилем» (высокая закрытость, низкая эмоциональность и поддержка как характеристика всех членов семьи). Общение по поводу ситуации травли зачастую происходит не в триаде мать—отец—ребенок, а между ребенком и отдельно каждым из родителей, т. е. в рамках диады.

Буллинг и социо-демографические характеристики семьи

Наиболее согласованными представляются данные о влиянии гендера на вовлеченность в школьную травлю: мальчики оказываются значимо чаще как в позиции агрессоров, так и в роли жертв [17; 22; 34].

Также большинством авторов в качестве фактора виктимизации рассматривается социально-экономический статус семьи [22; 26; 38]. Согласно динамической каскадной модели, первоначальный социально невыигрышный контекст (низкий уровень образования, доходов, культурного капитала семьи) является предиктором более жесткого и непоследовательного стиля воспитания, которое, в свою очередь, предопределяет нехватку социальных навыков и проблемы когнитивного развития, что приводит к проблемам с поведением, таким, как детская агрессия [24].

Результаты исследования В.С. Собкина и М.М. Смысловой, проведенного на латвийских и русских подростках, подтверждают, что социально-стратификационные факторы (образование и материальный статус семьи) значимо влияют на социальное самочувствие подростка в классе [13]. Дети, родители которых имеют только среднее образование, подвергаются различным видам физического и психического насилия значимо чаще, чем те, родители которых имеют высшее образование. Дети из высокообеспеченных семей отмечают, что не сталкивались ни с одним из видов насилия в школе почти в половине случаев, в то время как среди малообеспеченных детей ни разу не столкнувшихся с травлей на 15% меньше.

Этническая принадлежность часто рассматривается в качестве предиктора вовлеченности в травлю [38], однако данные на этот счет нельзя считать согласованными [17]. К примеру, на выборке учеников начальных классов в Германии было показано, что факт того, что родители являются мигрантами, не оказывает влияния на то, в какой степени их ребенок окажется вовлеченным в ситуацию травли; медиаторами межпоколенческой передачи паттернов насильственного поведения являются именно социо-демографические характеристики родителей [37].

Последние исследования предлагают более сложные модели влияния социально-демографических характеристик семьи на вовлеченность ребенка в травлю. Так, например, в британском исследовании, проведенном на более чем 23 тысячах учащихся 4—5 классов школы, при обработке данных методом многоуровневой логистической регрессии было показано, что школьные факторы являются модераторами связи между вовлеченностью в травлю и характеристиками семьи: в школах с низкими показателями социально-экономического статуса контингента жертвами травли оказываются дети из более благополучных семей [26].

Выводы

1. В качестве факторов, способствующих вовлеченности ребенка в буллинг в роли агрессора, выделяются легитимность различных форм насильственных воздействий внутри семьи, пренебрежение потребностями ребенка со стороны родителей, опыт функционирования в качестве буллы в период учебы в школе у отцов.

2. Факторы риска виктимизации ребенка включают в себя сверхконтролирующее поведение со стороны матери и низкую степень вовлеченности со стороны отца, а также спутанность

отношений в рамках семейной системы и включенность ребенка в отношения со всеми членами семьи при отсутствии признаков сепарации.

3. Существуют значимые различия в детско-родительских отношениях у детей с риском виктимизации и агрессивного поведения. Жертвами травли чаще становятся дети, поведение матерей которых тормозит овладение их детьми характерными для их гендера социальными ролями (гиперопека по отношению к мальчикам, холодность и враждебность по отношению к девочкам). Дети-агрессоры часто являлись объектами враждебности и жестких дисциплинарных воздействий со стороны отцов.

4. Среди факторов, способствующих снижению вероятности вовлеченности ребенка в школьную травлю, можно выделить теплые эмоционально насыщенные отношения с ребенком, равно как и хорошо построенную внутрисемейную коммуникацию, в рамках которой важными являются обсуждение переживаний с близкими;

5. Основными социально-экономическими факторами виктимизации — низкий уровень доходов и образования родителей. Этническая принадлежность, также как и миграционная история семьи, не всегда значимо влияют на вовлеченность ребенка в травлю.

Литература

1. Бочавер А.А., Кузнецова В.Б., Бианки Е.М., Дмитриевский П.В., Завалишина М.А., Капорская Н.А., Хломов К.Д. Опросник риска буллинга (ОРБ) // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 146—157.
2. Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. Школьная травля и позиция учителей // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 1. С. 103—116.
3. Воликова С.В., Калинин Е.А. Детско-родительские отношения как фактор школьного буллинга // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 138—161.
4. Воликова С.В., Нифонтова А.В., Холмогорова А.Б. Школьное насилие и суицидальное поведение детей и подростков // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 24—30.
5. Волкова Е.Н., Гришина А.В. Оценка распространенности насилия в образовательной среде школы // Психологическая наука и образование. 2013. № 6. С. 19—27. doi:10.17759/sps.2016070202
6. Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М. Оценка распространенности насилия над детьми // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 19—34.
7. Гулис И.В. Особенности проявления агрессии в служебных отношениях // Научные труды

- Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2. Вып. 9 (14) / Под ред. В.Ф. Беркова. Минск: РИВШ, 2010. С. 102—107.
8. Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку // Психологическая наука и образование. 2014. № 2. С. 246—256.
9. Кудасова Е.А., Скитневская Л.В. Характеристика психологических особенностей феномена «жертвы» // Интерактивная наука. 2017. Т. 4. № 14. С. 98—100.
10. Петросьянц В.Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 190 с.
11. Польская Н.А. Взаимосвязь показателей школьного буллинга и самоповреждающего поведения в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 39—49.
12. Реан А.А. Психология агрессии у подростков // Психология девиантности. Дети. Общество. Закон / Под ред. А.А. Реана. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 96—107.
13. Собкин В.С. Смыслова М.М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по

- материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. №. 2. С. 71—86.
14. *Тарасова С.Ю., Осницкий А.К., Ениколопов С.Н.* Социально-психологические аспекты буллинга: взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8. №. 4. С. 102—116. doi:10.17759/psyedu.2016080411
15. *Щерги Ф.Э.* Насилие в школе над детьми и подростками . 2011. // Центр социального прогнозирования и маркетинга. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2012/nasilie_v_shkole.pdf (дата обращения 15.01.2018)
16. *Bowers L., Smith P. K., Binney Vol.* Cohesion and power in the families of children involved in bully/victim problems at school // Journal of Family Therapy. 1992. Vol. 14 (4). P. 371—387. doi.org/10.1046/j.1992.00467.x
17. *Bosworth K., Espelage, D.L., Simon, T.R.* Factors associated with bullying behavior in middle school students // The Journal of Early Adolescence. 1999. Vol. 19. P. 341—362. doi.org/10.1177/0272431699019003003
18. *Bronfenbrenner U.* Ecological systems theory // Annals of Child Development. 1989. Vol. 6. P. 187—249.
19. *Caughlin J.P.* Family communication standards // Human Communication Research. 2003. Vol. 29 (1). P. 5—40. doi.org/10.1111/j.1468—2958.2003.tb00830.x
20. *Cerezo F., Ruiz-Esteban C., Sanchez Lacasa C., Gonzalo A., Julian J.* Dimensions of parenting styles, social climate, and bullying victims in primary and secondary education // Psicothema. 2018. Vol. 30(1). P. 59—65.
21. *Connors-Burrow N.A., Johnson D.L., Whiteside-Mansell L., McKelvey L., Gargus R.A.* Adults matter: Protecting children from the negative impacts of bullying // Psychology in the Schools. 2009. Vol. 46 (7). P. 593—604.
22. *Cook C.R., Williams K.R., Guerra N.G., Kim T.E., Sadek S.* Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation // School Psychology Quarterly. 2010. Vol. 25. P. 65—83. doi.org/10.1037/a0020149 .
23. *De Vries E. E., Verlinden M., Rijlaarsdam J., Jaddoe V.W., Verhulst F. C., Arseneault L., Tiemeier H.* Like Father, like Child: Early Life Family Adversity and Children's Bullying Behaviors in Elementary School // Journal of abnormal child psychology. 2017. P. 1—16.
24. *Dodge, K.A., Greenberg M.T., Malone P.S.* Testing an idealized dynamic cascade model of the development of serious violence in adolescence // Child Development. 2008. Vol. 79. P. 1907—1927. doi.org/10.1111/j.1467-8624.2008.01233.x
25. *Finnegan R.A., Hodges E.V.E., Perry D.G.* Victimization by peers: Associations with children's reports of mother-child interaction // Journal of personality and social psychology. 1998. Vol. 75 (4). P. 1076—1086. doi.org/10.1037/0022-3514.75.4.1076
26. *Fink E., Patalay P., Sharpe H., Wolpert M.* Child-and school-level predictors of children's bullying behavior: A multilevel analysis in 648 primary schools // Journal of educational psychology. 2018. Vol. 110 (1). P. 17.
27. *Fromm E.* The anatomy of human destructiveness. New York; Chicago; San-Francisco: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
28. *Hazler R.J.* Breaking the cycle of violence: Interventions for bullying and victimization. Washington, DC: Taylor & Francis, 1996.
29. *Lereya S.T., Samara M., Wolke D.* Parenting behavior and the risk of becoming a victim and a bully/victim: A meta-analysis study // Child abuse & neglect. 2013. Vol. 37 (12). P. 1091—1108.
30. *Matsunaga M.* Parents Don't (always) know their children have been bullied: child-parent discrepancy on bullying and family-level profile of communication standards // Human Communication Research. 2009. Vol. 35 (2). P. 221—247.
31. *Menesini E., Salmivalli C.* Bullying in schools: the state of knowledge and effective interventions // Psychology, health & medicine. 2017. Vol. 22 (1). P. 40—253. URL: doi.org/10.1080/13548506.2017.1279740
32. *Olweus D.* Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes // Social withdrawal, inhibition, and shyness in childhood / Ed. by K.H. Rubin, J.B. Asendorff. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1993. P. 315—341.
33. OECD (2017), *Bullying / PISA 2015 Results (Volume III) : Students' well-being*, OECD Publishing, Paris. doi.org/ 10.1787/9789264273856-12-en
34. *Pepler D., Jiang D., Craig W., Connolly JI.* Developmental trajectories of bullying and associated factors // Child development. 2008. Vol. 79 (2). P. 325—338. doi: 10.1111/j.1467—8624.2007.01128.x
35. *Rigby K., Slee P.T.* Dimensions of interpersonal relation among Australian children and implications for psychological well-being // The Journal of social psychology. 1993. Vol. 133 (1). P. 33—42. URL: doi.org/ 10.1080/00224545.1993.9712116
36. *Schwartz D., Dodge K.A., Pettit G.S., Bates, J.E.* The early socialization of aggressive victims of bullying // Child development. 1997. Vol. 68 (4). P. 665—675. doi.org/10.2307/1132117
37. *Von Marées N., Petermann F.* Bullying in German primary schools: Gender differences, age trends and influence of parents' migration and educational backgrounds // School Psychology International. 2010. Vol. 31 (2). P. 178—198. doi.org/10.1177/0143034309352416
38. *Wolke D., Woods S., Stanford K., Schulz H.* Bullying and victimization of primary school children in England and Germany: Prevalence and school factors // British Journal of Psychology. 2001. Vol. 92 (Pt. 4). P. 673—696. doi.org/10.1348/0007126011162419
39. *Zych I., Farrington D., Llorent Vol. J., Ttofi M.M.* Protecting children against bullying and its consequences. London: Macmillan Publishers, 2017. doi.org/10.1007/978-3-319-53028-4

Family Background of Child Involvement in School Bullying: Impact of Psychological and Social Characteristics of the Family

Novikova M.A.*,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
mnovikova@hse.ru*

Rean A.A.**,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
arean@hse.ru*

The paper defines aggression and bullying and draws a distinction between them basing on the parameters of repetition and imbalance of power. We evaluate the occurrence of both phenomena in Russia and abroad basing on recent studies and analyse how family factors can affect whether the child will be involved in bullying or not and in which position: we describe the influence of structural, functional and communicative characteristics of the family system (close/distant relationships between the family members, preferred communicative style, marital conflict, relationship with siblings, etc.) and the features of parent-child interaction. Also, we analyse the contribution of certain social factors, such as the level of family income, parental education level etc. The influence of different psychological and social characteristics of the family on the risk of the child's victimization in school bullying is estimated for each age group (from primary schoolchildren to high school students).

Keywords: bullying, school bullying, parameters of family system, social factors of bullying.

References

1. Bochaver A.A., Kuznetsova V.B., Bianki E.M., Dmitrievskii P.V., Zavalishina M.A., Kaporskaya N.A., Khlomov K.D. Oprosnik riska bullinga (ORB) [Bullying risk questionnaire (ORB)]. *Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]*, 2015, no. 5, pp. 146—157.
2. Bochaver A.A., Zhilinskaya A.V., Khlomov K.D. Shkol'naya travlya i pozitsiya uchitelei [School bullying and teacher's attitude]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2015, Vol. 6, no. 1, pp. 103—116. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Volikova S.V., Kalinkina E.A. Detsko-roditel'skie otnosheniya kak faktor shkol'nogo bullinga [Child-parent relationship as a school bullying factor]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Consultative Psychology and Psychotherapy]*, 2015. Vol. 23, no., pp. 138—161. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Volikova S.V., Nifontova A.V., Kholmogorova A.B. Shkol'noe nasilie i suitsidal'noe povedenie detei i podrostkov [School violence and suicidal behavior of children and adolescents]. *Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]*, 2013, no. 2, pp. 24—30.
5. Volkova E.N., Grishina A. Vol. Otsenka rasprostranennosti nasiliya v obrazovatel'noi srede shkoly [Estimate of violence abundance in educational environment of schools]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2013, no. 6, pp. 19—27. (In Russ., abstr. in Engl.).

For citation:

Novikova M.A., Rean A.A. Family Background of Child Involvement in School Bullying: Impact of Psychological and Social Characteristics of the Family. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2018. Vol. 23, no. 4, pp. 112—120. doi: 10.17759/pse.2018230411 (In Russ., abstr. in Engl.).

* Novikova Maria Aleksandrovna, PhD in Psychology, Research Fellow, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: mnovikova@hse.ru

** Rean Artur Aleksandrovich, PhD in Psychology, Professor at the Psychology chair, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: arean@hse.ru

6. Volkova E.N., Volkova I.V., Isaeva O.M. Otsenka rasprostranennosti nasiliya nad det'mi [Estimate of abundance of violence against children]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2016, Vol. 7, no. 2, pp.19—34. doi:10.17759/sps.2016070202 (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Gulis I.Vol. Osobennosti proyavleniya agressii v sluzhebnykh otnosheniyakh [Peculiarities of manifestation of aggression in professional relationship]. In Berkova V.F. (ed.), *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki: sb. nauch. st.: v 2 ch. Ch.2* [Scientific Papers of the Republic Institute of the High School. Historical and Psycho-Pedagogical Sciences]. Minsk: RIVSh, 2010, no 9 (14) pp. 102—107.
8. Guseinova E.A., Enikolopov S.N. Vliyaniye pozitsii podrostanta v bullinge na ego agressivnoe povedenie i samootsenku [Influence of adolescent's position in bullying on his/hers aggressive behavior and self-estimate]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2014, no. 2, pp. 246—256. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Kudasova E.A., Skitnevskaya L.Vol. Kharakteristika psikhologicheskikh osobennostei fenomena «zhertvy» [Characteristic of the psychological peculiarities of the "victim" phenomenon]. *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science], 2017. Vol. 4, no. 14, pp. 98—100.
10. Petrosyants V.R. Psikhologicheskaya kharakteristika starsheklassnikov, uchastnikov bullinga v obrazovatel'noy srede, i ikh zhiznestoikost'. Diss. psikhol. nauk. [Psychological characteristic of the high-school children who participate in bullying in the educational environment, their resilience. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saint-Petersburg, 2011. 190 p.
11. Pol'skaya N.A. Vzaimosvyaz' pokazatelei shkol'nogo bullinga i samopovrezhdayushchego povedeniya v podrostantovom vozraste [Interaction of the indices of school bullying and self-harm behavior in the adolescence]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2013, no. 1, pp. 39—49. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Rean A.A. Psikhologiya agressii u podrostantov [Psychology of aggression in adolescents]. In Rean A.A. (ed.), *Psikhologiya deviantnosti. Deti. Obshchestvo. Zakon* [Psychology of deviant behavior. Children. Society. Law]. Moscow: YuNITI-DANA, 2016, pp. 96—107.
13. Sobkin V.S. Smyslova M.M. Bulling v stenakh shkoly: vliyaniye sotsiokul'turnogo konteksta (po materialam krosskul'turnogo issledovaniya) [Bullying in school walls: influence of sociocultural context (basing on the data of cross-cultural study)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2014, no. 2, pp. 71—86. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Tarasova S.Yu., Osnitskii A.K., Enikolopov S.N. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty bullinga: vzaimosvyaz' agressivnosti i shkol'noi trevozhnosti [Social-psychological aspects of bullying: interaction of aggressiveness and school anxiety]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2016, Vol. 8, no. 4, pp. 102—116. doi:10.17759/psyedu.2016080411 (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Sheregi F.E. Nasilie v shkole nad det'mi i podrostantami [Elektronnyi resurs]. [School violence against children and adolescents]. *Centr social'nogo prgnozirovaniya i marketinga* [Center of social forecasting and marketing], 2011. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2012/nasilie_v_shkole.pdf (Accessed: 15.01.2018).
16. Bowers L., Smith P.K., Binney Vol. Cohesion and power in the families of children involved in bully/victim problems at school. *Journal of Family Therapy*, 1992. Vol. 14 (4), pp. 371—387. doi.org/10.1046/j.1992.00467.x
17. Bosworth K., Espelage, D.L., Simon, T.R. Factors associated with bullying behavior in middle school students. *The Journal of Early Adolescence*, 1999. Vol. 19, pp. 341—362. doi.org/10.1177/0272431699019003003
18. Bronfenbrenner U. Ecological systems theory. *Annals of Child Development*, 1989. Vol 6, pp. 187—249.
19. Caughlin J.P. Family communication standards. *Human Communication Research*, 2003. Vol. 29 (1), pp. 5—40. doi.org/10.1111/j.1468-2958.2003.tb00830.x
20. Cerezo F., Ruiz-Esteban C., Sanchez Lacasa C., Gonzalo A., Julian J. Dimensions of parenting styles, social climate, and bullying victims in primary and secondary education. *Psicothema*. 2018. Vol. 30(1), pp. 59—65.
21. Connors-Burrow N.A., Johnson D.L., Whiteside-Mansell L., McKelvey L., Gargus R.A. Adults matter: Protecting children from the negative impacts of bullying. *Psychology in the Schools*, 2009. Vol. 46 (7), pp. 593—604.
22. Cook C.R., Williams K.R., Guerra N.G., Kim T.E., Sadek S. Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation. *School Psychology Quarterly*, 2010. Vol. 25, pp. 65—83. doi.org/10.1037/a0020149
23. De Vries E.E., Verlinden M., Rijlaarsdam J., Jaddoe V.W., Verhulst F.C., Arseneault L., Tiemeier H. Like Father, like Child: Early Life Family Adversity and Children's Bullying Behaviors in Elementary School. *Journal of abnormal child psychology*, 2017. pp. 1—16.
24. Dodge K.A., Greenberg M.T., Malone P.S. Testing an idealized dynamic cascade model of the development of serious violence in adolescence. *Child Development*, 2008. Vol. 79, pp. 1907—27. doi.org/10.1111/j.1467-8624.2008.01233.x
25. Finnegan R.A., Hodges E.V.E., Perry D.G. Victimization by peers: Associations with children's reports of mother-child interaction. *Journal of personality and social psychology*, 1998. Vol. 75 (4), pp. 1076—1086. doi.org/10.1037/0022-3514.75.4.1076

26. Fink E., Patalay P., Sharpe H., Wolpert M. Child- and school-level predictors of children's bullying behavior: A multilevel analysis in 648 primary schools. *Journal of educational psychology*, 2018. Vol. 110 (1). pp. 17.
27. Fromm E. The anatomy of human destructiveness. New York, Chicago, San-Francisco: Holt, Rinehart and Winston, 1973. 521 p.
28. Hazler R.J. Breaking the cycle of violence: Interventions for bullying and victimization. Washington, DC: Taylor & Francis, 1996.
29. Lereya S.T., Samara M., Wolke D. Parenting behavior and the risk of becoming a victim and a bully/victim: A meta-analysis study. *Child abuse and neglect*, 2013. Vol. 37 (12), pp. 1091—1108.
30. Matsunaga M. Parents Don't (always) know their children have been bullied: child-parent discrepancy on bullying and family-level profile of communication standards. *Human Communication Research*, 2009. Vol. 35(2), pp. 221—247.
31. Menesini E., Salmivalli C. Bullying in schools: the state of knowledge and effective interventions. *Psychology, health and medicine*, 2017. Vol. 22 (1), pp. 240—253. doi.org/10.1080/13548506.2017.1279740
32. Olweus D. Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes. In Rubin K.H., Asendorf J.B. (ed.). *Social withdrawal, inhibition, and shyness in childhood*. NJ: Erlbaum, 1993, pp. 315—341.
33. OECD (2017), *Bullying / PISA 2015 Results (Volume III): Students' well-being*, OECD Publishing, Paris. doi.org/10.1787/9789264273856-12-en
34. Pepler D., Jiang D., Craig W., Connolly J. Developmental trajectories of bullying and associated factors. *Child development*, 2008. Vol. 79 (2), pp. 325—338. doi.org/10.1111/j.1467-8624.2007.01128.x
35. Rigby K., Slee P.T. Dimensions of interpersonal relation among Australian children and implications for psychological well-being. *The Journal of social psychology*, 1993. Vol. 133 (1), pp. 33—42. doi.org/10.1080/00224545.1993.9712116
36. Schwartz D., Dodge K.A., Pettit G.S., Bates J.E. The early socialization of aggressive victims of bullying. *Child development*, 1997. Vol. 68 (4), pp. 665—675. doi.org/10.2307/1132117
37. Von Marées N., Petermann F. Bullying in German primary schools: Gender differences, age trends and influence of parents' migration and educational backgrounds. *School Psychology International*, 2010. Vol. 31 (2), pp. 178—198. doi.org/10.1177/0143034309352416
38. Wolke D., Woods S., Stanford K., Schulz H. Bullying and victimization of primary school children in England and Germany: Prevalence and school factors. *British Journal of Psychology*, 2001. Vol. 92 (Pt. 4). pp. 673—696. doi.org/10.1348/000712601162419
39. Zych I., Farrington D., Llorent Vol. J., Ttofi M.M. Protecting children against bullying and its consequences. London: Macmillan Publishers, 2017. 83 p. doi.org/10.1007/978-3-319-53028-4